



Политизация памяти: блокада Ленинграда в нарративах, практиках и исследованиях

В советском и российском государственных дискурсах тема блокадного Ленинграда всегда играла особенную роль. Несмотря на то, что в мировой историографии она обычно фигурировала как один из частных и весьма периферийных сюжетов (Ganzenmüller 2011), в СССР обсуждение блокады Ленинграда как правило оказывалось на острие культурных и политических изменений. Начиная с военных лет блокада Ленинграда была накрепко инкорпорирована в советскую идеологию и влияла не только на вектор осмысления Второй мировой войны в СССР, но также на региональную идентичность советской элиты (Бранденбергер 2016, Kelly 2011, Free 2022), и на основы легитимности власти в стране (Копосов 2011). Блокада была и остается «лакмусовой бумагой» происходящих политических перемен. (Дзенискевич 1998; Malinova 2023, Gruszka 2024).

Для государственного руководства СССР блокада Ленинграда всегда была неисчерпаемым источником политических смыслов. Инициированное советскими властями «ленинградское дело» почти на десятилетие остановило исследования этого события, сделав блокаду неприкасаемой и политически опасной темой в конце 1940х и начале 1950х годов (Zemskov-Zuge 2012; Kirschenbaum 2006). В 1960е годы, будучи первой в советской историографии официально разрешенной к упоминанию и изучению гуманитарной катастрофой, блокада Ленинграда стимулировала появление в СССР нового взгляда на войну как на трагедию мирных жителей, став советским аналогом дискурса о холокосте. (Voropina, Barskova 2019). «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина олицетворяла новое гуманистическое направление в советской литературе о войне, проложив дорогу «лейтенантской прозе» (Воронина 2018). В годы обострения «холодной войны» исследования по блокаде Ленинграда выполняли роль политических манифестов по обе стороны «железного занавеса». (Дзенискевич, Ganzenmüller 2011). Традиция обращения к блокадному наследию и блокадной памяти в условиях политических кризисов стала частью политики постсоветской российской элиты. «Демократизация» блокадной памяти за счет появления множественных акторов

памяти и различных проектов коммеморации и центров изучения блокады в 1990е годы, как и формирование «сообществ памяти» в виде обществ ленинградских блокадников, которые первыми в России добились признания своего статуса пострадавших от войны мирных жителей, символизировали новые веяния в российской политике (Воронина 2018, Wachter 2022, Павловский 2022). «Закон о ветеранах», уравнивший некоторые категории блокадников с ветеранами войны, сделал бывших ленинградцев политически и социально-значимой категорией, влияющей на государственные проекты памяти о событии.

Недавний всплеск интереса к блокаде Ленинграда в России был связан с проведением в период с 2020 по 2024 годы целой серии судебных процессов, направленных на признание российскими судебными органами актов «геноцида советского народа». В октябре 2022 года в Санкт-Петербургском городском суде блокада Ленинграда была признана актом геноцида советского народа и из хрестоматийного события по истории советского героизма она стала показательным примером советской жертвенности. Одновременно с этим, различные государственные органы России и Белоруссии приняли законы, признающие факт геноцида в отношении советского населения. Все эти меры указывают на серьезный сдвиг в официальной интерпретации войны и блокады, а также смену парадигмы в отношении к этому событию. (Machotina 2023).

Чем было вызвано такое решение? С чем связан интерес советских и российских властей к блокаде? Почему блокада вновь оказалась на острие политики памяти? Было ли это реакцией на решение украинских властей, принявших законы о признании себя жертвой российского геноцида, или это вызвано объективной необходимостью пересмотра советских интерпретаций? Почему память о блокаде оказывается столь востребована российской властью? В чем заключается потенциал этой темы? Наконец, можно ли сказать, что политическое использование блокады в настоящее время было унаследовано российскими властями со времен СССР или речь идет о совершенно новых практиках, основанных на других механизмах и явлениях?

Возвращение в государственный дискурс российской власти блокадной темы в качестве примера геноцида советского народа говорит не только о возникновении новых подходов к изучению этого сложного и трагического прошлого, но и об изменениях, произошедших как в политике памяти российского руководства, так и в самом российском обществе. Самое простое объяснение этому дают журналисты, полагающие, что изменение в культурной памяти связано с ответом России на международные санкции и войну с Украиной. Однако создающий идеологическую основу советским геноцидам – проект «Без срока давности» был создан еще в 2019 году. А обсуждение ответственности нацистского руководства за уничтожение мирного населения крупнейшего советского мегаполиса было центральной темой обсуждения международного сообщества историков всех последних десятилетий. К тому же в течение последних лет исследователи обнаружили множество новых источников о жизни в блокаде, новых дневников, литературных произведений и архивов, создающих новый образ происходивших событий. За последние годы качественно изменился состав обществ блокадников: на смену наиболее последовательным проводникам героической интерпретации события из числа старших членов организации пришли новые люди, пережившие блокаду детьми, и признававшие себя жертвами. В Санкт-Петербурге возникли новые пространства памяти о блокаде, музеи и выставки. Блокадой заинтересовалась Русская православная церковь.

Политически продвигаемый нарратив о блокаде строится разными акторами и очерчивает границы того, что нужно, можно и нельзя говорить, писать или показывать о блокаде. Через социальные институты и социальных агентов этот нарратив влияет на индивидуальные и коллективные репрезентации, осуществляя своеобразный контроль, своего рода видимую или невидимую цензуру путем запретов и поощрений (Bourdieu 1984 и 1996, Durand 2006). В связи с недавними изменениями в нарративе о блокаде в России в начале 21 века назрела объективная необходимость изменения подхода к осмыслению блокады Ленинграда. О том, каким образом происходит эта политическая трансформация, и под влиянием каких акторов, дискурсов и механизмов формируется переосмысление блокадных нарративов и пойдет речь на конференции.

Таким образом, в центре нашего внимания будут вопросы взаимоотношения блокады и политики в разные периоды существования страны. Как влияла политика советского государства на вопросы изучения этого события? Как политическое руководство инструментализировало блокаду? Какую роль в этом играли разные акторы памяти: институты истории, союзы писателей, литературоведы, мемуаристы, музейный работники? Под воздействием каких политических, идеологических и культурных изменений видоизменяется дискурс о блокаде? Как влияли на репрезентацию блокады мировые академические дискуссии? Как формировалась память в послевоенные годы, в период обострения «холодной войны», в канун перестройки и в современной геополитической ситуации? Что определяло возникавшие в те или иные исторические эпохи образы блокады? Как складывались отношения у свидетелей блокады и тех, кто не имел личного опыта проживания? Что в итоге оказывалось и оказывается возможным говорить, показывать или писать о блокаде, и в каких формах? Что осталось за рамками социально и политически одобренной репрезентации?

Конференция будет исследовать влияние политики памяти в СССР и России на разработку и изменение норм репрезентации блокады. Тематически она будет организована вокруг наиболее значимых политических изменений в политической истории СССР и России и их отражении в различных дискурсах и практиках о блокаде Ленинграда. Нас интересуют, как и каким образом влияли на историографию, литературу, кино и речи политиков «ленинградское дело», оттепельные реформы Хрущева, обострение «холодной войны» 1970-х, события перестройки и, наконец, война в Украине. На конференции мы обсудим мотивы и последствия государственного интереса для развития блокадной темы, очертим границы не/допускаемого в репрезентации блокады в различных исторических моментах, а также поговорим о том, какое значение играет блокада в конструировании современных нарративов о прошлом.

Регламент

Количество участников - 20

Доклад - 20 минут

Место проведения - университет Гренобль Альп.

Язык конференции - английский, русский, французский.

Время проведения - 5, 6 и 7 ноября 2025

Заявки (тема, 300 слов + резюме [100 слов]) ожидаются до 2 апреля 2025 на адрес colloque-siege-leningrad-2025@univ-grenoble-alpes.fr. Ответ до 2 мая 2025.

Научный комитет

Эмилия Кустова (ГЕО, Университет Страсбурга), Изабель Депре (CESC/ILCEA4, УГА),
Вальтер Шперлинг (Берлин, Фонд Макса Вебера)

Организационный комитет

Татьяна Воронина, Валерий Косов, Лора Тибонье

Литература:

Bourdieu, Pierre. 1984. Censure, in: Questions de sociologie. Paris: Editions de Minuit. P. 138-142.

Bourdieu, Pierre. 1996. Sur la télévision. Paris: Raisons d'agir.

Durand, Pascal. 2006. La censure invisible. Arles: Actes Sud.

Free, Anna. 2022. War and Terror in Leningrad: The Museum of the Defense of Leningrad and War. Commemoration under Stalin. PhD thesis. University of California Davis.
https://escholarship.org/content/qt9km065qq/qt9km065qq_noSplash_cf4f6f666e9e0553316b9c7d037613c7.pdf

Janzenmüller, Jörg. 2011. 'Memory as a Secondary Theatre of War. The Leningrad Blockade in German Memory', Osteuropa. 8-9: 7-22.

Gruszka, Sarah. 2024. Le siège de Leningrad. Septembre 1941 - janvier 1944. Paris: Tallandier.

Kelly, Catriona. 2011. The Leningrad Affair': Remembering the 'Communist Alternative' in the Second Capital, Slavonica. Volume 17 (2): Between History and the Past: The Soviet Legacy as Traumatic Object of Contemporary Russian Culture. P. 103-122.

Kirschenbaum, Lisa A. 2006. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. New York: Cambridge University Press.

Makhotina, Katja. 2023. Ankerpunkte der Erinnerung: Der Zweite Weltkrieg in Erinnerungskulturen Deutschlands und des östlichen Europas. In *Erinnern! Aufgabe, Chance, Herausforderung*. 1(2023). Pp.37-39

Malinova, Olga. 2023. Political uses of memory of the early period of the post-Soviet transformations in contemporary Russia, in: *Remembering the Neoliberal Turn: Economic Change and Collective Memory in Eastern Europe after 1989*. Routledge, 2023. P. 77-92.

Voronina, Tatiana; Barskova, Polina. 2019. Unspeakable truths: children of the siege in Soviet literature. In: *Voronina, Olga. A companion to Soviet children's literature and film*. Leiden: Brill, 307-344.

Wachter, Alexandra. 2022. The Last Heroes of Leningrad. Coping Strategies of Siege Survivors in Soviet and post-Soviet Society, *Zeitgeschichte im Kontext* 17, Wien: V&R Unipress, Vienna University Press.

Zemskov-Züge, Andrea. 2012. Zwischen politischen Strukturen und Zeitzeugenschaft: Geschichtsbilder zur Belagerung Leningrads in der Sowjetunion 1943-1953. Göttingen: V&R Unipress.

Бранденберг, Давид. 2016. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда), Новейшая история России, 3(17): 175-186.

Воронина Татьяна. 2018. Помнить по-нашему: социалистический историзм и блокада Ленинграда. М., НЛО.

Дзенискевич, Андрей. 1998. Блокада и политика: Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Копосов, Николай. 2011. Память строгого режима. История и политика в России. М., НЛО.

Павловский, Алексей. 2022. «Культурная травма и современная историография: “вторая волна” исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016–2021)». Историческая экспертиза 30(1):26–49. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-1-26-49>.